

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Ну что за раздолбай?» — подумал Саня Евлантьев, глядя на себя в зеркало.

Облик человека в зеркале говорил о его предрасположенности к невезению. Нет, своей внешностью Евлантьев был доволен, но вот невезуха, действительно, вцепилась в него мертвой хваткой.

Саня чувствовал себя австралийским ленивцем, которого много лет назад запрягли в упряжку вместо тягловой лошади и заставили везти тяжелую повозку неизвестно зачем и неизвестно куда.

Евлантьев любил только две вещи: отдых и длительный отдых. И если первое в России для обычного человека было явлением, хоть и при-

зрачным, но все же существующим, то второе являлось квинтэссенцией легенд и бабушкиных сказок. Зато вещей, которые Саня не любил, было гораздо больше.

Это и маленькая зарплата, и постоянная нехватка денег, и отсутствие еды в холодильнике, и вечный дождь за окном, и дебилы в телевизоре, обсуждающие с утра до ночи Украину, и сосед сверху, который каждое утро занимается личной жизнью со своей дрелью, и теснота квартиры, и вечно садящийся аккумулятор телефона, и постоянная реклама в плейлисте, и даже тот факт, что каждое утро нужно идти на работу, хотя работа, в виде исключения, могла бы и сама прийти.

Много лет назад Конфуций изволил сказать: «Счастье — это когда тебя понимают, большое счастье — это когда тебя любят, настоящее счастье — это когда любишь ты». Саню Евлантьева никто не понимал, никто не любил, да и сам он не испытывал к людям особой симпатии, поэтому все указывало на то, что он должен быть крайне несчастливым человеком. Однако к своим двадцати семи годам парень не чувствовал ни пустоты в сердце, ни разочарования, ни пра-

ведного возмущения. Трудясь с утра до ночи на работе, которая не приносила ему ничего, кроме головной боли, он со временем начал относиться к своей жизни с философским безразличием. Сначала он очень старался, был активным, исполнительным и верил, что вот-вот все сложится, его заметят, он пойдет по карьерной лестнице, и настанет то время, когда он сможет вальяжно сидеть в кресле напротив собственного бассейна и попивать коктейль. Но попивал Саня максимум кофе в обеденный перерыв и то не всегда. Ведь на большее не хватало ни времени, ни денег. Серые будни офисных крыс текли день за днем, и со временем Евлантьев стал относиться к своей жизни с истинным мазохизмом. Эта постоянная нервозность и безденежье все чаще стали вызывать в нем не отчаяние, а безрадостную иронию.

Впрочем, Саня Евлантьев не стыдился своей бедности, ведь даже сам Дмитрий Медведев публично признался, что денег у него нет, и повелел держаться. А если уж денег нет у самого премьер-министра, то чего говорить о простом офисном работнике. И Саня держался, как только мог.

С понедельника по пятницу Евлантьев пахал менеджером в компании «БараноFF». Ну не пахал, конечно, а отбывал срок. Если бы баран-начальник платил работникам хотя бы десятую часть тех денег, которые он вбухивал в свои золотые «ролексы» и «бланкпайны», то Саня бы ни в чем не нуждался.

По воскресеньям приходилось таскать на складе тяжелые ящики с продуктами, и все для того, чтобы люди потом ели эту дрянь, набитую консервантами и прочей химией, но зато красиво завернутую.

В итоге лишь суббота имела честь быть выходным днем. Однако Саня настолько уматывался за неделю, что суббота, как правило, незаметно пролетала во сне.

Всего Евлантьев получал около пятидесяти тысяч в месяц. Сумма приемлемая для молодого человека, не обремененного женой, детьми и прожорливыми друзьями. И все же Саня хотел получать как минимум в два раза больше. Не из жадности, а просто потому, что иначе не выжить. Ведь эта скромная и тесная квартира в Люблино была куплена в ипотеку, а на автомобиль «Ауди» пришлось взять кредит. Слож-

нее всего дело обстояло с ипотекой. Ипотека ведь валютная...

К тому же была Вера. Пожалуй, единственный человек, в отношении которого Саня хранил в своем сердце позитивные эмоции.

А ведь в юности Евлантьев не был дураком и лоботрясом, вроде остальных ребят. Он прилежно учился в школе, а потом окончил академию по направлению «менеджмент». Но врали учителя и преподаватели, говоря, что будущее за отличниками. Саня свято верил в это до окончания бакалавриата, но потом все почему-то перевернулось с ног на голову. Отличники пошли работать стажерами за три копейки. И это при лучшем раскладе, ведь самые невезучие в итоге оказались в сети «Макдоналдс». И не в качестве пожирателей фастфуда, а в должности его изготовителей.

А те несмышленные, но богато одетые ребята, кого учителя всю жизнь называли двоечниками, в результате стали крупными предпринимателями и бизнесменами. Многие так и вовсе преобразовались в государственных деятелей, в том числе сотрудников ФСБ, депутатов и судей. Выходит, не оценки влияли на судьбу человека, и не ум,

и не способности, а что-то куда более приземленное и, говоря без намеков, материальное. Как же так, господа педагоги? Зачем вы нас обманывали?

Саня часто думал и задавал в пустоту эти вопросы, но так и не получал ответа. Высшее образование не пригодилось ему ни разу в жизни. Но в анкетах и резюме приходилось заполнять целую строку про вуз и специальность, тратить время на мариане бумаги, которую все равно прочтут сквозь пальцы.

Окончив вуз, Саня несколько лет назад перебрался из родного Екатеринбурга в Москву, где и устроился сразу на три работы. Крутился, как мог. Днем работал администратором в консалтинговой компании. Вечером по несколько часов заманивал клиентов в магазин одежды, работая консультантом. А по воскресеньям трудился грузчиком на складе.

Поначалу Саня арендовал комнату, потом снял квартирку в Люблино, а затем узнал, что хозяин хочет ее продать. К тому времени Евлантьев уже работал в солидной фирме «БараноFF» и получал 1500 долларов. Денег на свою квартиру, конечно, Сане не хватало, но он все же решился на ипотеку.

А потом началась банковская волокита. Она напоминала взаимоотношения с девушкой. Сначала непродолжительный конфетно-букетный период, когда тебя любят и улыбаются в глаза, потом первое охлаждение в отношениях, когда ты понимаешь, что все не так идеально, как казалось вначале, затем период ссор и скандалов, когда в тебя порой могут и кастрюлю швырнуть, ну и, наконец, заключительный этап, когда происходит взрыв, и, к сожалению, взрыв не только в отношениях, но и в твоей замученной психике.

Саня был близок к последнему периоду. Ведь ипотеку он взял валютную (решил сэкономить на процентах). Сначала Сане хватало денег на оплату кредита и ипотеки, но в 2014 году долбанул кризис, и доллар подорожал в два раза, а зарплата осталась прежней, в рублях. И денег стало не хватать! Пошли просрочки. За кредит уже не раз начислялись пени, а про ипотеку лучше вообще не говорить. Быть может, если не произносить страшное слово «ипотека», то и его суть сама собой забудется? Но, к сожалению, у сотрудников банка была хорошая память.

Последние годы жизнь Сани превратилась в долговой ад и кутерьму из-за поиска денег. Ев-

лантьев платил, как мог, но задолженность росла, и банк уже грозил судом и отъемом квартиры.

Ни дня не проходило без требовательного звонка в дверь. Коллекторы, судя по всему, прописались в коридоре перед дверью Евлантьева. Создавалось впечатление, что им попросту негде жить, вот они и просятся погреться. Уже ведь не май месяц, на улице прохладно. Сентябрь не отличался особой кровожадностью, но и бабье лето было совсем не бабьим.

* * *

В дверь позвонили. Саня мрачно усмехнулся. Ну, вот опять! Стоило лишь подумать, и опричники уже здесь. Мысли, что ли, читают?

Евлантьев сначала решил не открывать и, как обычно, включить на ноутбуке «Вопли Видоплясова», чтобы паразитам было не так уж грустно стоять в коридоре. Однако сегодня как раз была суббота, а по выходным Саню посещало хорошее настроение, а вместе с ним и тяга к общению. Поэтому Евлантьев решил поздороваться с гостями.

— Денег нет, но вы держитесь! — заорал Саня, подходя к двери.

Но вместо привычной ругани на лестничной клетке послышалось бормотание. Кажется, это были не коллекторы. Саня открыл дверь и увидел сухонькую старушку.

— Тетя Тамара, здрасте! — радостно приветствовал Евлантьев.

Но бабушка не разделяла его оптимизма. Ее взгляд был сердит, а морщинистые пальцы сжаты в кулаки. Да и сам факт того, что бабка преодолела долгий путь в десять шагов от своей квартиры до двери Евлантьева, говорил о ее серьезном настрое.

— Это к тебе, поганец, вчера бандюки приходили? Всю ночь громыхали на лестнице!

Саня наморщил лоб, как бы вспоминая. Да, действительно, это к нему вчера вечером коллекторы приходили в составе четырех человек. Опять пытались выбить долги при помощи магии русского мата. Правда, это было не ночью, а вечером. Но для вековой бабки что ночь, что вечер — все одно, темно же.

— Нет, тетя Тамара, ну что вы! Это не ко мне, это к Игорю приходили, — доложил Саня, искренне улыбаясь. — Всю ночь долбил и сверлил, уродец!

— Да при чем тут сверлил! — прошамкала бабка. — Я голоса слышала! Слова ругательные!

— Так ему надоело одному сверлить. Вот он друга и позвал. Всю ночь потом сверлили вдвоем. Сначала один посверлит, потом другой. А затем Игорь что-то не то просверлил и начал орать на весь дом.

— Вот сукин сын! — констатировала старушка. — А я ж из-за этого ирода всю ночь уснуть не могла. Только под утро задремала, да так крепко, что «Мухтара» проспала. Слушай, Саш, а че Игорь там сверлит-то?

— Не знаю, тетя Тамар, — развел руками Саня. — С утра до ночи сверлит и сверлит. А куда он этот проход высверливает, непонятно. Но, судя по всему, прямиком в ад.

— Вот бес нечестивый, — возмутилась бабка. — Ну все, хана ему!

С этими словами она стала с бешеной для старухи скоростью подниматься по лестнице, и Саня понял, что опостылевшего соседа он теперь долго не услышит.

Евлантьев вернулся в полумрак своей однокомнатной квартиры. За эти жалкие двадцать пять квадратных метров ему приходилось еже-

месячно отдавать более тридцати тысяч рублей. За автокредит — еще десять тысяч. Итого более сорока тысяч в месяц. Оставалось у него меньше десятки, и как он ни экономил, все время приходилось перезанимать. И долги росли, как снежный ком. Сначала банк ограничивался предупредительными звонками, потом стали начисляться пени и всякие неустойки, ну а в один прекрасный день начались звонки в дверь. Оказалось, что за дело взялась служба внутренней безопасности банка.

В январе были приняты поправки к федеральному закону № 230, значительно ограничивающие полномочия лиц, занимающихся взысканием задолженностей. Поэтому теперь коллекторы вели себя осторожнее и хитрее. Они больше не пинали дверь ногами и не кричали на лестнице. Теперь они занимались лишь психологическим воздействием. Звонили много раз в день, бывало, и ночью. Но представлялись не коллекторами и не сотрудниками банка, а судебными приставами.

Саня платил, как мог, но и на них, и на себя денег не хватало. Самое возмутительное, что он пытался обговорить с банком вопрос о ре-